

Елена В. Петрухина

Когнитивные аспекты изучения производного слова в славянских языках

1. Вступительные замечания. В статье речь пойдет об изучении производного слова в русском и западнославянских языках в связи с проблемой формирования языковой картины мира (ЯКМ), отражающей систему особого мировидения, обыденных представлений, закрепленных в языке, в его категориях и единицах, их сочетаемости, в узусе. Предварительно на материале русского языка рассмотрим некоторые общие положения изучения производного слова в когнитивном аспекте: специфику семантики производного слова, имеющего внутреннюю форму; особенности концептуального анализа дериватов; принцип иконичности в словообразовании и др. В основных разделах статьи анализируются различия семантики однотипных глагольных дериватов в русском и западнославянских языках, связанные с расхождениями в концептуализации одних и тех же фрагментов мира в этих языках, а также концептуальный параллелизм в количественной оценке предметов и действий. При рассмотрении названных проблем используются многие положения когнитивной теории, разработанные в трудах Р.Дирвена, Е.С.Кубряковой, Дж. Лакоффа, Р.Лангакера, Л.Талми, Дж.Тейлора, Ч. Филлмора, Л.Янды и др.

В русском языке более 96% всех слов входит на основе отношений производности в словообразовательные гнезда [Тихонов 1999], поэтому словообразование в русском языке, как и в других славянских языках, например чешском и польском, относится к тщательно исследованным и описанным подсистемам языка. Тем не менее когнитивный подход к языку ставит перед славянским словообразованием, как разделом науки о славянских языках, новые задачи и открывает новые перспективы. В российской лингвистике теоретическим

проблемам изучения словообразования в когнитивном аспекте большое внимание уделяет Е.С.Кубрякова, приложившая немало сил для распространения идей когнитивистики в российском языкознании и их развития в применении к русскому языковому материалу [Кубрякова 1996, 1998, 1999].

2. Особенности семантики и концептуального анализа производного слова.

Свойства производного слова как номинативной единицы в русском языке во многом определяются его морфемной структурой. Например, если сравнить синонимичные производные русские и непроизводные заимствованные слова типа *убийца* / *киллер*, *вымогательство* / *рэкет*, то становится ясно, что отсутствие внутренней формы у иностранных слов порождает своего рода затемненность их истинного смысла, влияющую на коннотации данных слов. *Убийца* (в том числе и в словосочетании *наемный убийца*) в любом типе дискурса имеет явно выраженные негативные коннотации – это человек, совершивший тяжкое преступление и вызывающий резко негативное отношение окружающих, а *киллер* (т.е. наемный убийца) в современной публицистике нередко используется без негативных коннотаций, обозначая профессионала. Все коннотации и образы, которые производное слово вызывает у говорящего, позволяет выявить его концептуальный анализ.

В словообразовании большое значение имеет пропозициональная модель представления знаний, взаимодействующая с другими когнитивными моделями, прежде всего метонимической [Лакофф 1996: 172-181]. Мотивированное значение производного слова представляет существенные для познания мира и коммуникации в данной лингвокультурной общности концепты расчлененно, как комплекс пропозиционально структурированных смыслов. Например, производные имена лиц, образованные по продуктивной модели с суффиксами *-ник*, *-ик*, называют лиц по актуальному для них в данной ситуации признаку, в частности по совершаемому ими действию (примеры 1, 2), объекту действия (3) или какому-либо его обстоятельству (4), ср.: (1) *отказник* – ‘тот, кто отказывается что-либо делать (например, служить в армии)’; (2) *причастник* – ‘тот, кто причастился’; (3) *собачник* – ‘тот, кто содержит или разводит собак’; (4) *заочник* - ‘тот, кто учится заочно’. В подобных случаях производное имя можно рассматривать не просто как

результат прибавления аффикса к производящей основе, а как преобразование описательной номинации в однословную, то есть как компрессию поверхностной структуры описательной номинации, словосочетания или предложения [Кубрякова 1999]. Соотношение формы и содержания дериватов (1,2) характеризуется иконическим принципом: мотивирующая основа и формант соотносятся с двумя основными элементами их содержательной структуры, (ср. [Ungerer 1999]), при этом достигается изоморфизм формы и содержания производного.

О полном изоморфизме нельзя говорить в примерах (3,4), когда все те же два элемента формальной структуры (основа и аффикс) соотносятся, по крайней мере, с тремя элементами его содержательной структуры. Соответствие между двумя признаками денотата, которые в деривате эксплицитно выражены морфемами, устанавливаются при помощи подразумеваемого предиката (*p*) с обязательными аргументами, лежащего в основе данной пропозициональной структуры: *заочник* - 'тот, кто (-ик) / **учится** (*p*) / заочно (*заочн-*)'; *бесплатник* - 'тот, кто (-ик) / **получает** (*p*) что-то (например, образование, медицинское обслуживание, завтраки в школе) / бесплатно (*бесплатн-*)'. Таким образом, при взаимодействии пропозициональной и метонимической когнитивных моделей по одному или нескольким элементам ситуации восстанавливается представление о всей ситуации в целом, иными словами активизируется соответствующий фрейм. Отметим, что метонимические семантические структуры особенно характерны именно для глаголов, ср. также [Janda 1993].

Имплицитные предикаты определяются на основе фреймовых структур как особых унифицированных конструкций знания, или связанных схематизаций опыта [Филлмор 1988], в рамках которых происходит необходимый для номинации отбор значимых в данном языковом коллективе сведений. При этом имплицитные внутренние предикаты характеризуются разной степенью предсказуемости. Так, у деривата *контрактник* в его семантической структуре возможными являются несколько ассоциативно связанных предикатов, которые определяются достаточно легко и однозначно: это именно 'тот, кто **работает** или **служит** по контракту', а также, соответственно, 'тот, кто **заключил** контракт'. Имплицируемый элемент содержательной структуры подобных дериватов определяется при помощи

ментальной операции логического вывода - инференции [Кубрякова 1998] на основе энциклопедических знаний говорящих на данном языке. Но у многих имен лица имплицитно выражаемые элементы их семантической структуры не могут быть определены при помощи операции инференции, они устанавливаются на сугубо конвенциональных условиях, например *государственник* - 'тот, кто является сторонником сильной государственной власти', а не тот, например, кто работает на государственном предприятии. Еще в большей степени идиоматична семантика производных имен предметов, данный факт детально описан в работах российских лингвистов (Е.А.Земской, О.П.Ермаковой, И.Г.Милославского, И.С.Улуханова и др.).

Таким образом, наличие имплицитного предиката или какого-либо другого элемента содержательной структуры деривата ограничивает реализацию принципа иконичности производного слова.

Значение рассмотренных выше производных имен лиц разложимо на отдельные элементы и достаточно адекватно может быть передано описательной номинацией. Однако, в силу гештальтного характера семантики многих производных слов, замена деривата на синонимичную описательную конструкцию в дискурсе может быть связана с потерей некоторых содержательных, часто коннотативных, элементов. Так, рассмотренные выше имена лиц с суффиксом *-ник* называют человека или группу людей по одному единственному признаку, часто периферийному для характеристики данного лица в целом: *бюджетник* - 'тот, кто получает зарплату из государственного **бюджета**'. В описательной номинации данный признак не является главным, положенный же в основу однословной производной номинации, он как бы «повышается в ранге», ослабляя все другие признаки этого лица. Такая номинация, сокращая и упрощая связанные с ней ассоциативные связи, выступает своеобразным «ярлыком» для человека или группы людей и, как всякий ярлык, может обеднять их сущностные свойства (ср. заголовок в «Учительской газете» от 31.10.2000 г. - *«Не учителя мы, не педагоги, а бюджетники»*).

Концептуальным потенциалом словообразовательной модели умело пользуются в средствах массовой информации, выражая при помощи

соответствующих производных, часто потенциальных или окказиональных, скрытую иронию, понижающую социальную значимость называемых лиц и соответственно тех событий, в которых они принимают участие. Приведу пример из «Новой газеты»: *Приглашение приятного салатного цвета, означающего бесплатный обед (для безобедников цвет был обычный, белый) открыло двери на 1-ый Конгресс молодой интеллигенции в Центральном Доме Литераторов.*

Таким образом, концептуальный анализ производного слова предполагает также анализ использования словообразовательных средств для воздействия на адресата с целью достижения определенного идеологического и политического эффекта (о проблеме соотношения языка и идеологии см. [Language and Ideology 2000]).

Сопоставление рассмотренных дериватов и описательных номинаций свидетельствует о том, что отсутствие однословной номинации для выражения того или иного концепта вовсе не означает отсутствие соответствующего концепта в общей концептуальной картине мира социума. Но производное слово создается лишь в том случае, если есть коммуникативная потребность социума регулярно выражать данный комплекс смыслов при экономии языковых средств. Словообразовательная система в русском языке – гибкий механизм, позволяющий оперативно реагировать на меняющиеся коммуникативные потребности общества и создавать типизированные и экономичные языковые средства, в частности для дифференциации лиц по разным признакам и их роли в столь изменившейся и пестрой социальной жизни современной России.

Глагольные словообразовательные модели в славянских языках имеют некоторые особенности, отличающие их от рассмотренной выше именной модели. Производные глаголы способны выражать такой комплекс смыслов, который трудно передать аналитическими средствами, притом что комбинируемые содержательные элементы в отдельности могут представлять универсальные характеристики ситуации (ср. [Casad 1995]) и обладать высокой степенью переводимости на другие языки. В этом случае повышается концептуальная значимость самой словообразовательной модели. Здесь можно усмотреть определенную аналогию между устройством словообразовательной модели и

грамматической конструкции (в ее понимании в грамматике конструкций [Fillmore, Kay 1992; Goldberg 1995]): в формировании значения производного участвуют не только его составляющие, но и семантика самой словообразовательной модели. Именно семантика словообразовательной модели затрудняет перевод образованных по ней слов на те языки, где таких словообразовательных моделей нет.

Трудности возникают при переводе на неславянские языки даже употребительных производных глаголов, образованных по результативным моделям от нетерминативных основ, и это притом что дериваты выражают чистый результат без каких-либо специфических его характеристик или оценок, ср.: *дозвониться до кого-либо, достучаться до кого - либо, дождаться кого-либо, чего-либо - ring and get answer, knock until heard, wait for smb. or smth. and ? ...*

Специфика производных глаголов как номинативных единиц заключается в том, что полиситуативный характер их семантики и синтетический способ ее выражения обуславливает идиоматичность комплекса смыслов, связывающего несколько ситуаций воедино. Например, в русском языке имеется словообразовательная модель, которая связывает в одной лексеме исходную деятельность как причину и ее последствия, а также оценку данных последствий как нежелательных: *дошутиться (до неприятностей), досидеться (до боли в спине)*. Стоит подчеркнуть, что общая идея неприятных, нежелательных последствий (без ее конкретизации в предложно-падежных именных формах) выражена в самой словообразовательной модели *до - ся*, которая регулярно реализуется в классе глаголов деятельности (о правилах ее реализации см. [Мельчук 1990]): *Дошутился! Добежался! Доигрался!* Концепт данной словообразовательной модели имеет сложную гештальтную природу: это самые общие представления о связи, как правило, длительной деятельности субъекта с негативным результатом. Ср. *Что ты говоришь? Ты договорился до абсурда.* Естественный перевод этого предложения на английский язык (например: *What are you saying? You are talking nonsense*) не выражает того, что конечная ситуация является негативным результатом предшествующей ситуации. Более точный перевод с эксплицитным выражением причинно-следственных отношений между

двумя ситуациями и количественной оценкой предшествующего действия (*so much that*), воспринимается как менее естественный, ср.: *You have spoken so much that you are now speaking nonsense*. При этом и в последнем предложении можно отметить неполную адекватность перевода: негативный результат может быть достигнут не обязательно вследствие длинных речей, но и вследствие логически неверно построенных рассуждений.

Для других славянских языков такая модель нехарактерна, хотя в польском языке имеются отдельные дериваты, образованные по данной модели: *doigrać się, dowojować się, dopytać się, dokrzyczeć się, dośpiewać się*. Негативные последствия человеческой деятельности в некоторых славянских языках могут быть выражены при поддержке контекста другими производными глаголами. В чешском языке ближе всего к русскому *Он доигрался!* конструкция *Ten to dopracoval!* В болгарском языке с приблизительно таким же модификационным значением, но при условии выраженности негативных последствий контекстуальными средствами могут употребляться дериваты *на- се*. Ср.: *Той се шегуваше, шегуваше с шефа и накрая се нашегува - уволниха го* (инф.) - *Он шутил, шутил с шефом и дошутился* (букв. нашутился) - *его уволили*.

Такие в высокой степени идиоматичные концепты гештальтной природы в русском языке выражают многие производные глаголы с результативной семантикой, типа *выговориться, выплакаться, заработать, заучиться, наговориться*. Эти глаголы трудно перевести на многие неславянские языки. Это позволяет предположить, что аналогичные концепты не представлены не только в соответствующих ЯКМ, но и не характерны для данных общих концептуальных картин мира.

Но даже если в славянских языках имеются аналогичные глагольные дериваты, нередко при обозначении одной и той же ситуации или ее характеристики славянские языки различаются образом этой ситуации, представлением ее определенного параметра. На это обратил внимание еще А.В.Исаченко, который отметил, что при обозначении движения там, где русский язык берет за исходную точку временной момент (*зашагать, полететь, поплыть*), словацкий фиксирует точку в пространстве (*vykročiť', vyletet', vyplavat'*) [Исаченко

1960: 319]. Подробно на данной проблеме я останавливаться не буду, этому посвящена большая часть моей книги [Петрухина 2000]. Приведу лишь один пример, иллюстрирующий разное представление начальной фазы гомогенного процесса или деятельности в русском и западнославянских языках.

3. Представление начала деятельности или процесса в русском языке в сопоставлении с западнославянскими. В русском языке выделяется несколько семантических типов начинательности. Основные типы выражения начала гомогенного процесса или деятельности: 1) инхоативная начинательность, ‘начало длительного процесса’. Схематично этот тип начинательности можно представить так (I—), ср. *Он заходил по комнате = начал ходить по комнате*); 2) ингрессивная начинательность, ‘начало без четкой прорисовки продолжения процесса’. Ср. (I--): *Он закричал = Он крикнул* или *Он начал кричать*, в зависимости от ситуации и контекста, например: *Он закричал (крикнул): «Стой!»; От возмущения дети закричали, и их долго не могли успокоить*, ср. [Janda 1983: 33-34].

В западнославянских языках инхоативная начинательность выражается только аналитически. Ср.: *Он заходил по комнате.* – чеш. *Začal chodit po pokoji*; словац. *Začal chodiť po izbe*. Ингрессивная начинательность в западнославянских языках точно передана быть не может, хотя в этих языках имеются формально сходные с русскими глаголами (типа *зашуметь*) дериваты с приставкой *za-*, которые обозначают цельный квант действия, ограниченный начальным и конечным пределом. По отношению к данным дериватам в чешской лингвистике используется термин «манифестация действия», под которым понимается проявление действия в течение некоторого непродолжительного времени [Skoumalová 1968: 213; 1979: 249]. Квантовую семантику соответствующих дериватов достаточно адекватно передает понятие временного «промежутка сознательного внимания» [Chafe 1973], в который укладывается то или иное наблюдаемое действие независимо от его реальной продолжительности. Аналогичные дериваты широко представлены также в словацком и польском языках. По-русски довольно точно значение таких дериватов можно передать при помощи глаголов с префиксом *pro-*, образующихся лишь от базовых глаголов

звучания, типа *прокричать, прошуметь*. Ср. чеш. *zaskřípat*, словац. *zaškrípať* – ‘заскрипеть, проскрипеть, скрипнуть’; словац. *zašumieť* – ‘зашуметь, прошуметь’:

Křeslo zaskřípalo – *Кресло заскрипело* (букв. скрипнуло несколько раз)
pod její tíhou. *под тяжестью ее тела.*

Piesok zaškrípал pod – *Песок заскрипел* (букв. проскрипел) *под ногами.*
nohami.

V diaľke zašumel – *Вдали зашумел* (букв. прошумел) *прибой.*
príboj.

В некоторых случаях носителю русского языка трудно даже представить квантовое восприятие какого-либо действия, которое в западнославянских языках передается дериватами с приставкой *za-*, особенно если речь идет не о кратковременной ситуации, а о длительном процессе, как, например, в последнем словацком предложении.

4. Когнитивная значимость словообразовательного потенциала глагола.

Следующий когнитивный аспект изучения производного глагола, на котором я хотела бы остановиться, – это словообразовательный потенциал лексемы. В процессе деривации через комбинаторику базового глагола с аффиксальными морфемами могут быть установлены особенности интерпретации того явления, которое стоит за мотивирующей лексемой. Так, изучение словообразовательного потенциала эмотивных глаголов типа *грустить, радоваться* в русском языке показало, что они проявляют такую же сочетаемость с фазисно-временными и оценочными приставками, что и глаголы деятельности типа *работать, гулять*. О чем это говорит? Соединение эмотивных глаголов с такими префиксами эксплицирует динамико-процессуальную интерпретацию эмоционального переживания, его пофазное представление в русской ЯКМ.

В русском языке эмотивные глаголы, как и глаголы деятельности, достаточно регулярно комбинируются с фазисными, ограничительными и оценочными префиксами, выражая начало эмоционального переживания (ср. *загрустить*), начало и усиление его интенсивности (ср. *развеселиться*), конец (ср. *отстрадать, отгоревать*), ограниченность эмоционального переживания временными рамками или временным интервалом (ср. *погрустить, прогоревать целый месяц*). Заметим, что глаголы, обозначающие статические отношения или

состояния практически не сочетаются с такими префиксами. Другие показатели не статического, а процессуального, динамического представления эмоций в русской ЯКМ отмечает А.Вежбицкая: эмотивные глаголы способны управлять существительными с предлогами (*грустит о чем-либо*), что свидетельствует о связи эмоционального переживания с мыслительным процессом; эмотивные глаголы в русском языке могут вводить в текст прямую речь и выступать в одном ряду с глаголами действий и деятельности [Вежбицкая 1996: 42, 43].

В русском и чешском языках наблюдаются значительные сходства в комбинации базовых эмотивных глаголов с названными приставками, но имеются и некоторые различия, по всей видимости, свидетельствующие о расхождениях в интерпретации процессуальности / стативности эмоциональных переживаний в ЯКМ.

В чешском языке можно отметить уменьшение возможностей комбинаторики приставок с эмотивными глаголами (в сравнении с глаголами деятельности и гомогенных процессов). Ограничительные модификации в чешском языке в целом менее продуктивны, чем в русском, от эмотивных глаголов делимитативы образуются еще реже. Ср. русско-чешские словарные эквиваленты: *побеспокоиться (какое-то время)* – ‘být nějakou dobu znepokojen’; *позлиться* – ‘trochu/ chvíli se zlobit’, *понервничать (какое-то время)* – ‘chvíli být nervózní, rozčítovat se’; *покапризничать* – ‘chvíli zlobit, trochu si zavrtošit’; *пострадать (какое-то время)* – ‘strádat, trpět nějakou dobu’; *посердиться* – ‘zlobit se (chvíli), hněvat se’.

Словацкий язык, по имеющимся у нас данным, здесь проявляет больше сходств с русским, чем чешский. Ср. следующие функционально эквивалентные русские, чешские и словацкие предложения: *Ничего, побеситса и успокоитса* – слов. *To nič, pozúri si a upokojí sa*; чеш. *To nic, chvíli se bude vztekat a uklidní se*; *Он немного поревновал и простил* – слов. *Chvíľu žiarlil a potom odpustil* (возможно и *chvíľu (si) požiarlil*); чеш. *Chvíli/ nějakou dobu žárlil, ale pak odpustil*; *Trochu si zažárlil, ale pak odpustil*.

Вызванное теми или иными причинами окончание психических, эмоциональных переживаний и внешних проявлений чувств в русском языке

может быть выражено синтетически, при помощи приставки *om-*, в чешском языке только аналитически, ср.: *omgrustit* – ‘přestat se gmoutit’; *otvesелиться* – ‘přestat se bavit’; *omмучиться* – ‘přestat se trápit’; *отсмеяться* – ‘přestat se smát’. *Хватим, отбоаяся* (разг.) – *To stačí, už jsem se přestal bát* (*Už jsem se nabál dost*).

Не характерны для чешского языка многие оценочные модификации эмотивных глаголов, ср. *изволноваться* – ‘stálým neklidem se utrápit’; *Я сегодня так наволновалась!* – *Co jsem zažila strachu!* Элемент оценочного смысла, в русском языке выражаемый приставкой, в чешском передается аналитически, часто другим глаголом, ср. *Мы из-за тебя так переволновались* – *Strašně/ hrozně/ příšerně jsme se o tebe báli; Že jsme o tebe ale měli pořádný strach!* *Co jsme o tebe zažili/ zakusili strachu!* В целом же выражение временных границ эмоционального и психического переживания, его интенсивности при помощи словообразовательных средств по продуктивным моделям, характерным для глаголов деятельности и гомогенных динамических процессов, свидетельствует о процессуальном, динамическом представлении эмоций в русской ЯКМ. В чешской ЯКМ эмоциональное переживание, по данным комбинаторики эмотивных глаголов с фазисно-временными и оценочными префиксами, предстает более статически, как состояние. Об этом говорят и другие языковые данные, прежде всего функциональные соотношения глагольных и именных конструкций, например: *Он сегодня нервничает* – *Je dnes nervózní; Я радовалась его письму* – *Měla jsem radost z jeho dopisu; Я восхищалась его успехом* – *Byla jsem nadšena jeho úspěchem/ Měla jsem z jeho úspěchu ohromnou radost. Меня восхитил его успех* – *Jeho úspěch mi udělal ohromnou radost*.

5. Концептуальный параллелизм в квантитативной оценке предметов и действий. И в заключение на материале русского и чешского языков рассмотрим своеобразный параллелизм между категоризацией предметов и динамических ситуаций. Аналогии между именной и глагольной категоризацией предметов и явлений посвящен целый ряд статей [Talmy 1988; Vikner 1994; Мелиг 1995]. Как представляется, эту тему можно продолжить. Материал чешского языка позволяет говорить о связи ряда акциональных модификаций с определенными тенденциями,

сложившимися не только в глагольной, но и именной словообразовательной системе. Речь пойдет о деминутивности в чешском языке.

Для чешского языка характерно широкое использование деминутивных именных дериватов, как с ярко выраженной, так и стертой оценочной семантикой. Деминутивы могут утрачивать оценочное значение, особенно по отношению к предметам, объективно небольших размеров типа *ukazovaček* ('указательный палец'), *hruška* ('груша'), *sedátko* ('сидение'), причем нейтральные мотивирующие лексемы могут 1) сосуществовать в том же значении с деминутивами (*ukazovák*, *sedadlo*), 2) приобретать стилистическую окраску книжности (*hruše*). В результате такой конкуренции деминутив и мотивирующее имя могут разойтись по семантике, например: *most* ('мост') – *můstek* ('трамплин'), *bouře* ('буря') – *bouřka* ('гроза'), *kohout* ('петух') – *kohoutek* ('кран') [Нещименко 1963]. С точки же зрения восприятия и обозначения конкретных предметов важно отметить, что в чешском языке деминутивы (типа *domek* – 'домик', *pokojíček* – 'комнатка') более последовательно, чем в русском, употребляются по отношению к небольшим по размерам предметам. Чаше, чем в русском, деминутивы в чешском используются с оценочным значением, как уменьшительно-ласкательные имена. В следующих примерах чешским деминутивам в русских переводных предложениях функционально соответствуют непроизводные существительные: *A všichni si sáhli do kádě a odnášeli si několik našich karříků* (Klíma) – *Все залезли рукой в бочку и унесли* (букв. уносили) *по несколько наших карпов* (букв. карпиков). *Pětasedmdestiletý Jenšík miluje sluničko* (MFD) – *Семидесятипятилетний Енишик любит солнце* (букв. солнышко).

Сопоставление русских художественных текстов и их литературных переводов на чешский язык показывает, что довольно часто русские нейтральные существительные, обозначающие предметы небольших размеров, на чешский язык переводятся деминутивами (при наличии соответствующих непроизводных имен). Ср.: «*Слушать вы меня будете плохо*»... – *сказала начальница и, потянув нитку и завертев на лакированном полу клубок*... *подняла глаза* – «*Poslouchat tě moc pozorně nebudete...*» řekla ředitelka, *napjala nitku, roztočila na nalakované podlaze klubičko*... *a zvedla oči*; *Каждое воскресенье, после обедни, по Соборной улице,*

ведущей к выезду из города, направляется маленькая женщина в трауре, в черных лайковых **перчатках**... – *Každou neděli po mši Kostelní ulicí, která vede na okraj města, kráčí malá žena ve smutku, v černých glazé rukavičkách*... Этот венок, этот **бугор**, дубовый крест! – *Ten věnec, ten rúvek* (букв. могилка), *ten dubový kříž* (И.Бунин «Легкое дыхание», přel. J.Zábrana. Čítanka guské literatury).

Тенденция к деминутивности, как представляется, в чешском языке характерна не только для именного, но и для глагольного словообразования. Как глагольные деминутивы можно рассматривать, помимо делимитативов с приставками *po-*, *ro-*, также квантовые словообразовательные модификации типа *zakřičet* (имеющиеся во всех западнославянских языках) и *zazpívat si* (характерные прежде всего для чешского и словацкого языков).

Славянским делимитативам посвящена обширная литература, которая анализируется в [Петрухина 1997]. Отнести ограничительные модификации с приставками *po-*, *ro-* к деминутивным производным позволяет тот факт, что наиболее типичным случаем употребления делимитативов является выражение оценки действия как непродолжительного при положительном к нему отношении. Ср.: *Přijďte chvíli posedět a popovídat si* – *Приходите: посидим, поговорим*; *Všecko je třeba (chvíli) povařit* – *Все нужно (немного) поварить*; *Popovídali si o denních starostech* – *Они немного поговорили о повседневных делах*.

В чешском языке, как и в русском, выражение делимитативами кратковременности действия может обуславливать его восприятие как незначительного. Ср. русское предложение и его чешский перевод: *Он даже и не думал, что имеет дело с криминалом. Его просто попросили поохранять человека в квартире, пообещав хорошо заплатить* (МК 18.02.1995) – *...Prostě ho požádali, aby jim (trochu) pohlídal nějakého člověka v bytě*... (инф.)¹.

Вообще же русским делимитативам в чешском языке соответствует целый ряд дериватов с формантами *po-*, *ro-* + *si*, *za-* + *si* [Петрухина 1997]. С высокой степенью эквивалентности всю гамму рационально-количественных и

¹ Чешские собственно делимитативы могут выражать и продолжительное действие, соответствуя русским пердуративам. Ср. *Poseděli jsme u našich známých tři hodiny* – *Мы просидели* (букв. посидели) *у наших знакомых три часа*; *Lékař tam pobyl několik hodin* – *Врач там пробыл* (букв. побыл) *несколько часов*; *Jurka pobyl u Kučerů přes léto* – *Юрка пробыл* (букв. побыл) *у Кучеров все лето*.

прагматических оценок русских делимитативов в чешском и словацком языках передают квантово-прагматические дериваты *za-* + *si*, о которых речь пойдет ниже.

Дериваты с приставкой *za-* (см. раздел 3) можно также отнести к деминутивным образованиям: они обозначают квант действия, который по определению не может быть продолжительным. В дериватах *za-* + *si* приятная для производителя деятельность (на что указывает медиальный формант *si*) независимо от объективной продолжительности также представлена как единый квант. Этим модель *za-* + *si* отличается от модели *po-* + *si*. Последняя, выражая “ограниченность во времени” действия [Исаченко 1960: 237], дает также информацию о его продолжительности. Образованные по модели *po-* + *si* дериваты легко сочетаются с обстоятельственными показателями длительности деятельности или процесса. При этом количественная оценка действия, выражаемая глаголами *po-* + *si*, зависит от контекста: действие может определяться и как продолжительное, и как непродолжительное, главное, что конкретная его мера в большинстве случаев воспринимается как оптимальная. Семантические различия между глаголами *za-* + *si* и *po-* + *si* кратко определены в “Грамматике чешского языка”, изданной в Брно в 1995 г. [Příruční mluvnice češtiny 1995: 213, 216, 430]: дериваты *za-* + *si* выражают удовлетворение действием, а дериваты *po-* + *si* – удовлетворение действием или его мерой. Однако эти различия в переводах на русский язык довольно сложно эксплицитировать, ср. *pohrát si / zahrát si: Pohraj si / zahraj si s kamarády – Поиграй / Поиграй с друзьями*.

Модель *za-* + *si* в чешском языке является продуктивной, открытой для новых образований. Практически от любого глагола со значением деятельности возможно образование подобных дериватов, причем в этот процесс включаются и новообразования с иноязычной основой: *zabotanzovat si, zaimprovizovat si, zakritizovat si, zamanifestovat si* и др. Особенно легко образуется эта модель от глаголов интеллектуальной, творческой, административной деятельности. Дериваты от глаголов со значением физической деятельности нередко обозначают ее как хобби. Ср.: *zaministrovat si, zaředitelovat si* – ‘поработать какое-то время министром, директором’; *(pěkně) zaděkanovat si* – речь идет о квантовом и сатисфактивном восприятии деятельности декана; *zatajemničit si* – ‘быть охотно

какое-то время секретарем'; *zakuchařit si, zazedničit si* – 'поработать поваром, каменщиком, но скорее любительски, с охотой'.

Важно подчеркнуть, что длительность, обобщенность обозначаемой деятельности не противоречит квантово-временной семантике соответствующих дериватов. Они представляют компрессию восприятия времени действия, обусловленную эмоциональным к нему отношением говорящего или производителя, то есть отражают эмотивное время деятельности, определяемое ее восприятием как приятной.

Таким образом, в деминутивных глагольных производных с формантами *za-* и *za- + si* уменьшительные и оценочные значения разведены по разным словообразовательным моделям: если дериваты первого типа выражают непродолжительное действие, представляемое как единый квант, без какой-либо его оценки, то дериваты *za- + si* относятся к оценочным производным, в семантике которых отражается субъективное, сатисфактивное восприятие деятельности, не зависящее от ее объективной продолжительности. Из всего вышеизложенного можно также сделать вывод, что деминутивных глагольных производных в чешском языке значительно больше, чем в русском, причем квантово-деминутивное представление ситуации (при помощи дериватов с приставкой *za-*) преобладает и в том случае, когда в русском языке аналогичная ситуация концептуализируется как начинательная (ингрессивная, см. раздел 3). Деминутивно-оценочное представление деятельности (при помощи словообразовательной модели *za- + si*) для чешского языка также более характерно, чем для русского, уже в силу того, что отыменное образование глаголов с названием деятельности типа *ministrovat* в чешском языке более продуктивно, чем в русском, а каждый подобный глагол практически свободно образует квантово-прагматическую модификацию *za- + si*.

Выявленный параллелизм между именными и глагольными деминутивными производными в чешской словообразовательной системе, как представляется, не случаен, он отражает одно из проявлений соотносительности категоризации предметных и временных сущностей в славянских языках.

Таким образом, когнитивный подход к изучению производных слов и словообразовательных моделей, некоторые аспекты которого рассмотрены в данной статье, позволяет учитывать чисто человеческую точку зрения на мир, отраженную в семантике именных и глагольных дериватов. Это, в свою очередь, способствует выявлению ряда различий между славянскими языками в восприятии идентичных предметов, действий и их параметров, закрепленных в семантике соответствующих производных слов.

Литература

- Вежбицкая А. 1996. *Язык. Культура. Познание*. Москва: Русские словари.
- Гринберг Дж. 1963. “Квантитативный подход к морфологической классификации языков”. *Новое в лингвистике* III. Москва: Наука.
- Исаченко А.В. 1960. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология*. II. Братислава: Издательство Словацкой Академии наук.
- Кубрякова Е.С. (ред.) 1996. (Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.). *Краткий словарь когнитивных терминов*. Москва: Издательство МГУ.
- Кубрякова Е.С. 1998. “Актуальные проблемы изучения словообразовательных систем славянских языков”. В: *Научные доклады филологического факультета МГУ 3*. Москва.
- Кубрякова Е.С. 1999. “Когнитивные аспекты словообразования и связанные с ним правила инференции (семантического вывода)”. In *Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen*. 3. Frankfurt am Mein.
- Лакофф Дж. 1996. “Когнитивная семантика”. В: *Язык и интеллект*. Москва: Прогресс.
- Мелиг Х.Р. 1995. “Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени”. В: *Семантика и структура славянского вида*. 1. Kraków: Wydawnictwo Naukowe WSP.
- Мельчук И.А. 1990. “Словообразование в лингвистических моделях “смысл – текст” (предварительные замечания)”. In *Metody formalne w opisie języków słowiańskich* (red. Z.Saloni). Białystok.
- Нещименко Г.П. 1963. “Закономерности словообразования, семантики и употребления существительных с суффиксами субъективной оценки в современном чешском языке”. В *Исследования по чешскому языку*. Москва: Наука.
- Петрухина Е.В. 1997. *Аспектуальная категоризация действий в русском языке в сопоставлении с некоторыми другими славянскими языками (вид и фазисно-временные способы глагольного действия)*. Докторская диссертация. Москва.
- Петрухина Е.В. 2000. *Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками*. Москва: Издательство МГУ.

- Тихонов А.Н. 1999. “Синхронные границы словообразовательного гнезда”. In *Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen* 3. R. Belentschikow (hrsg.). Frankfurt am Mein.
- Филлмор Ч. 1988. “Фреймы и семантика понимания”. В: *Новое в зарубежной лингвистике 23. Когнитивные аспекты языка*. Москва: Прогресс.
- Casad E. 1995. “Seeing it in more than one way”. In *Language and the Cognitive Construal of the World*. [Trends in Linguistics. Studies and Monographs 82]. J.Taylor, R.MacLaury (eds.). Berlin and New York: Mouton de Gruyter.
- Chafe W. 1973. “Language and memory”. *Language*. 49.
- Fillmore Ch., Kay P. 1992. *Construction grammar course book*. Berkeley: University of California.
- Goldberg A. 1995. *A Construction Grammar approach structure*. Chicago: University of Chicago,
- Janda L. 1983. “The Meaning of Russian Verbal Prefixes: Semantics and Grammar”. In *The Scope of Slavic Aspect*. M.Flier and A.Timberlake (eds.). Columbus, Ohio: Slavica Publishers.
- Janda L. 1993. “The Shape of the Inderect Object in Central and Easern Europe”. *Slavic and East European Journal* 37.
- Language and ideology 2. Descriptive cognitive approaches*. 2000. R.Dirven, R.Frank, C.Ilie.(eds.). Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins.
- Průruční mluvnice češtiny. 1995. Brno–Praha: Lidové noviny.
- Skoumalová Z. 1968. “O komplexní analýzu verbální prefixace”. In *Kapitoly ze srovnávací mluvnice ruské a české* III. Praha: Academia.
- Skoumalová Z. 1979. “Категория способов глагольного действия. Глагольное образование”. В: *Русская грамматика*. I. Praha: Academia.
- Talmy L. 1988. “The relation of grammar to cognition”. In *Current issues in linguistic theory* [Topics in cognitive linguistics 50]. B.Rudzka - Ostin (ed.). Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins.
- Ungerer F. 1999. “Diagrammatic Iconicity in Word-Formation”. In *Iconicity in language and literature*. M.Nänny, O.Fisher (eds.). Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins.
- Vikner C. 1994. “Change in homogeneity in verbal and nominal reference”. In *Tense, aspect and action to language typology*. New York: Mouton de Gruer.

Использованные сокращения

- БАС – Словарь современного русского языка. Т.1-17. М., 1948–1965.
- МК – “Московский комсомолец”, газета.
- MFD – “Mladá fronta dnes”, газета.
- PSJČ – Příruční slovník jazyka českého. D.1-9. Praha, 1935–1957.